

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Много шума
из
косметички

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Много шума из косметички

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Много шума из косметички / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2018 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-04-090228-6

Весь космос в одной косметичке – почему нет? Конечно, не о любой косметичке речь, а только о той, которую обстоятельно собирала в дорогу лично Надежда Николаевна. Хотя в нашем поезде, известное дело, может произойти что угодно. И вот пожалуйста – косметичка Надежды Николаевны после особо неудачного поворота оказывается в чемодане у соседки, а соседкина приземляется в сумке у Надежды. Жаль итальянскую пудру и французский крем, но настоящий хаос начнется, когда из чужой косметички один за другим посыплются ключ от банковской ячейки, окровавленные купюры, а вдобавок ко всему еще свежий труп... Книга также выходила под названием «Одной смерти мало».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090228-6

© Александрова Н. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Наталья Александрова

Много шума из косметички

© Александрова Н. Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Надежда проснулась от тишины. Ничего не было – ни стука вагонных колес по рельсам, ни свиста ветра за окном, ни скрипа двери в тамбур. Купе было последним, народ все время ходил туда-сюда, а дверь противно скрипела. Надежда на проблемы со сном никогда не жаловалась – если вставать двадцать лет подряд в половине седьмого, ни о какой бессоннице не может быть и речи, проблема в таком случае одна – услышать мучительный звон будильника и заставить себя спустить ноги с кровати, дальше они сами понесут тело в ванную, а руки на автопилоте включают душ, а уж после душа, если повезет, подключится голова.

И засыпала она всегда мгновенно, только голову на подушку положит – и сразу побегут перед глазами причудливые дома, затейливые дворцы, парусники, скользящие по водной глади, всадники в шлемах с перьями, дамы в пышных развевающихся одеждах. Все это великолепие продолжалось минуты три, не больше, после чего Надежда засыпала крепко и спала без сновидений.

Муж только посмеивался и утверждал, что Надежду не то что пушкой, а и «катюшей» не разбудишь. А бывший одноклассник Гошка Сосновский, который, промаявшись в зачуханной лаборатории младшим научным сотрудником лет пятнадцать, нашел себя и увлекся психологией и изучением человеческого мозга, сказал, что Надежда – творческая личность, у нее огромный потенциал и себя она не реализовала. Надежда тогда только хмыкнула и пожалела плечами – дело было на вечеринке по случаю очередного приезда Гошки из Штатов, он здорово надрался в кругу школьных друзей и лез целоваться ко всем дамам без разбору. Надежду, впрочем, он всегда уважал, это все признавали.

Надежда с Гошкой тогда спорить не стала, потому что вполне довольна была своей работой.

Однако все меняется со временем, и институт, где Надежда Николаевна Лебедева трудилась инженером, выражаясь современным, не слишком литературным языком, накрылся медным тазом. То есть этим самым тазом накрылась Надеждина должность. А также с ней вместе погорельцами оказались еще примерно человек пятьсот. А может, и больше, потому что многие не стали ждать сокращения и ушли сами, как только подвернулся какой-то вариант.

Нельзя сказать, что Надежда сильно по этому поводу расстроилась, а муж уж просто неприлично обрадовался, что его любимая жена будет теперь дома заниматься собой и хозяйством.

Муж у Надежды был второй, общих детей у них не было, и так сложилось, что внуки от этих необщих детей жили со своими родителями очень далеко. Надежда с мужем воспитывали кота. То есть это только так говорится, на самом деле рыжий разбойник воспитывал их. Мужа он полностью подчинил, Надежда по врожденному упрямству пыталась сопротивляться и не давать коту окончательно обнаглеть. Война с котом шла с переменным успехом. Наедине с собой Надежда признавалась, что кот все-таки побеждает.

В общем, все шло прекрасно, если не считать того, что, оставшись без работы, Надежда слегка заскучала. Не то чтобы ей нечего было делать, но голова, привыкшая все же за столько лет думать, явно требовала пищи для размышлений. За неимением лучшего Надежда читала

детективы, но обычно определяла убийцу странице этак на двадцать шестой. А уж о криминальных сериалах и говорить нечего, там все прозрачно с самого начала.

И вот тогда-то и начались у нее перебои со сном. Надежда стала просыпаться ночью, плохо спала на новом месте, в поездах и в гостиницах. Муж снова посмеивался – он считал, что это от слишком спокойной жизни. Соседка, вредная старуха Антонина Васильевна, говорила, округляя глаза и растягивая слова: «Во-озрасст...» Сама Надежда считала, что это от того, что встает она теперь не в половине седьмого, а немножко позже. Не будем уточнять, насколько позже. Если дать себе волю... но нет, взять себя в руки, для того чтобы встать не позже девяти, она еще способна.

Что касается возраста, то соседка, конечно, старуха противная и говорит что думает, когда ее об этом совсем не просят, но рот ей не закроешь.

Казалось бы, совсем неплохая цифра 5! В свое время мама, глядя в Надин дневник, где красовались гордые пятерки, чередуясь изредка со скромными четверками, радовалась и хвалила свою прилежную дочь. Но вот когда к этой цифре сзади приписывают огромный наглый ноль... такое не радуется. Но следует смириться с неизбежным.

Надежда не одобряла женщин, которые в погоне за уходящей молодостью теряют чувство меры. Не говоря о пластических операциях, они переправляют год рождения в документах, резко порывают отношения с друзьями детства, чтобы никто не проговорился об их возрасте. Нет, разумеется, совершенно ни к чему выставлять напоказ седые волосы и морщины, но идти под нож пластического хирурга без веской причины не стоит. Надежда очень хорошо запомнила слова своего стоматолога – милой приятной дамы.

«В молодости я начинала ассистентом у пластического хирурга, – говорила она, – и скажу вам, Надя, откровенно. Если бы женщины знали, как происходит операция по подтяжке лица, в каком виде больная находится... Это страшнее, чем самый страшный фильм ужасов! Я, во всяком случае, никогда на такое не пойду...»

Надежда тогда только недоуменно пожала плечами и сказала, что в клинику не собирается, ей бы с зубами разобраться. Тоже проблема недешевая.

О противной цифре с нулем на конце она старалась не думать. В конце концов, не она первая, не она последняя, еще никому не удалось остановить время. Тем более что все подружки у нее такие же, а на миру, как известно, и смерть красна.

Вот как раз сейчас она едет с юбилея институтской подружки Ленки Соловьевой.

Ленкина бабушка была учительницей начальных классов и решила сделать из ребенка вундеркинда, подготовив Ленку к школе с пяти лет. С пяти, конечно, не взяли, несмотря на бабушкины просьбы, РОНО уперлось. Бабушка интриговала целый год и всем надоела, дойдя едва ли не до Министерства образования. Зачем ей это было нужно, никто не понимал. Ладно бы еще Ленка была мальчиком, тогда лишний год перед армией не помешал бы. Или вымахала бы раньше времени коломенской верстой. Но Ленка была крошечной пичугой, этакая Дюймовочка с портфелем. Бабушка просто тешила свои педагогические амбиции.

Родители же Ленкины работали и не вникали в данный вопрос, полагая, что бабушка – педагог со стажем, она уж как-нибудь с единственной внучкой управится на начальном этапе.

В результате Ленка везде была младше всех на год, а то и полтора. И наконец, подошло и ее время.

После перестройки Ленкин муж подался в бизнес, заработал какие-то деньги на торговле компьютерами или еще какими деталями, Надежда этим вопросом не интересовалась. Потом стал строить, но не дома, а дороги и мосты в области. Фирма расширилась, и лет семь назад Ленка с мужем, оставив городскую квартиру детям, переехали в провинцию, в маленький городок Старый Остров, откуда муж Ленкин был родом. Так и для бизнеса удобнее, и места родные.

И вот Ленка позвонила и пригласила на юбилей.

– Надька, если ты не приедешь, я с тобой на всю жизнь рассорюсь! – орала она в трубку. – Разговаривать перестану и всю группу подговорю! Мы дом наконец отстроили, места много...

– Ладно-ладно, – сдалась Надежда Николаевна, – три дня я уж как-нибудь выкрою...

Муж любезно согласился ее отпустить, присовокупив, что проведет два выходных с приятелем на рыбалке, а за котом присмотрит все та же соседка Антонина Васильевна. Она хоть и была злой на язык, но к котам относилась очень хорошо, особенно к рыжим. Все устраивалось как нельзя лучше – на рыбалку муж Надежду никогда с собой не брал, да она и не очень стремилась.

Ленка жутко растолстела и при своем маленьком росте напоминала мячик, тем более что платье на ней было в красно-синюю клетку. Однако по поводу фигуры ничуть не расстраивалась, как и всегда.

Дом был огромным, трехэтажным, весь из свежих аккуратных бревен, внутри комнаты обиты веселой золотистой вагонкой, полы цвета свежего липового меда. Стоял дом на холме над рекой, вид сверху был изумительный – на другом берегу заливные луга, а дальше лес. Все было в доме, чего душа пожелает – и большой холл с камином и мягкой мебелью, и столовая с окном во всю стену, выходящим в сад, одних комнат для гостей на третьем этаже Надежда насчитала четыре штуки.

Народу на Ленкин юбилей собралось много.

– Никакого ресторана! – решительно заявила Ленка. – Это мой звездный час!

И все согласились, потому что Ленка известна была еще с юности как непревзойденная кулинарша. Надежда и остальные девчонки еще могли только яичницу пожарить да макароны сварить, а Ленка умела уже запекать гуся в духовке, варить холодец и печь заварные пирожные.

Столы накрыли в саду, Ленка носилась как заведенная и успевала везде, как будто была едина в трех лицах. Еда была выше всяческих похвал, погода прекрасная, собрались старые друзья, так что застолье получилось отличное. И ели, и пили, и пели, и плясали до упаду. И так два дня. А по прошествии выходных все уехали, а Надежда осталась – надо же было помочь Ленке разгрести это все.

Но из городка явились две разбитные тетки, похожие как близнецы, они облачились в одинаковые ситцевые халаты и мигом выскребли весь дом, от подвала до крыши, да еще и газон, вытоптаный гостями, привели в полный порядок. И только махали руками, когда хозяйка пыталась что-то говорить – ну, Елена Михайловна, вы свое дело сделали, теперь уж мы сами разберемся.

Так что Надежда с Ленкой провели этот день в гамаке под вишней, вспоминая молодость и обсуждая друзей и знакомых.

Вечером Ленкин муж посадил Надежду в поезд до Петербурга.

В купе расположились уже двое пассажиров – простоватого вида мужчина и коротко стриженная худая брюнетка лет под сорок.

– О, нашего полку прибыло! – шумно обрадовался мужчина.

Надежда взглянула на него с подозрением – пьяный, что ли. Да нет, просто непосредственный.

– Меня Иваном зовут! – продолжал общительный пассажир. – Будем знакомы!

И протянул короткопалую, не слишком чистую руку. Надежда украдкой взглянула на вторую пассажирку, та подняла глаза к небу – что делать, терпите уж, деться некуда. Надежда назвала себя и даже легонько пожала руку новому знакомому.

– А это Лида! – громогласно объявил он.

И снова брюнетка едва заметно поморщилась, но ничего не сказала.

– Девочки, сейчас чайку выпьем! – засуетился Иван и отправился договариваться с проводницей.

Лидия от чая отказалась, Надежда же вынула коробку с половиной домашнего торта, которую дала ей с собой Ленка. Иван, не смущаясь, съел почти все, Надежда этому только пораздовалась, она после Ленкиных кулинарных изысков на еду смотреть не могла и мечтала о разгрузочном дне.

В благодарность Иван уступил Надежде свою нижнюю полку, а сам забрался наверх и затих. Дамы тоже решили укладываться. Только погасили свет и пожелали друг другу спокойной ночи, как начались Надеждины мучения.

Народ в поезде подобрался развеселый, в соседнем купе компания из трех мужчин и одной солидной тетки крепко выпивала, мужчины рассказывали анекдоты и сами же над ними громко смеялись, тетка деликатно помалкивала, только все время выходила – то покурить, то освежиться. Дверь в тамбур противно скрипела – сначала раздавался резкий звук, от которого закладывало уши, потом чуть потише и подольше, а уж потом, под конец, дверь коротко взвизгивала, как будто коту наступили на лапу. И так каждые десять минут. Надежда стойчески терпела это безобразие – не хотелось вставать, искать проводницу и жаловаться. Еще на хамство нарвешься.

В конце концов это сделал кто-то из пассажиров, проводница долго увещевала гуляк, мужики азартно отлаивались, пока соседка по купе не гаркнула на них, оказывается, эта тетка была у них главной. Поворчали еще, укладываясь, поскрипели дверью, снуя в туалет и покурить напоследок, после чего наконец уgomонились.

И только было Надежда собиралась заснуть, как стряслась новая беда – захрапел Иван.

В первый момент Надежда подумала, что в тамбуре включили компрессор. Ну, понадобился кому-то посреди ночи отбойный молоток или еще что-то. Потом, локализовав звук, она поняла, что он исходит с верхней полки. Она села и встретилась взглядом с Лидией. Та тоже подняла голову с подушки и смотрела блестящими, совсем не сонными глазами. Где уж тут заснуть, с тоской подумала Надежда. Она взглядом спросила Лидию, не следует ли что-то сделать, чтобы прекратить это безобразие. Лидия в ответ покачала головой – ничего, мол, не поможет, его разбудишь, а через пять минут снова такой же храп раздастся...

«Ну и ночка! – обреченно подумала Надежда. – Хоть бы скорей добраться...»

Поезд разогнался на длинном перегоне, и при особенно сильном толчке Иван вдруг хрюкнул и затих. Надежда повернулась на другой бок и тут же заснула.

И проснулась от тишины. Не стучали колеса, не свистел ветер, не скрипела дверь в тамбур, не храпел сосед. За окном была темнота, которую прорезал слабый свет. Стало быть, еще не приехали.

– Что случилось? – спросила она хриплым со сна голосом у Лидии, выглядывающей из окна. – Какая станция?

– Не знаю, – та дернула плечом, – остановка не плановая, какой-то полустанок, здесь и платформы-то нету.

Ивана на верхней полке не было. Но он тут же явился, пахнувший ночной прохладой и свежестью.

– Девочки, не волнуйтесь, машина на переезде застряла! Хорошо, машинист вовремя ее заметил, успел затормозить! Сейчас ее уберут и поедem...

– Черт знает что! – Лидия высунулась из окна.

Надежда пристроилась рядом – хотелось глотнуть свежего воздуха.

– Не выходите, скоро поедem! – кричала проводница, да никто и не думал выходить.

Пассажиры выглядывали из окон. Вдоль поезда брела деревенская тетка в ватнике и резиновых сапогах. Несмотря на ватник, видно было, что тетка худа, как заезженная лошадь. Ясное дело, от тяжелой работы. В руках у тетки были бидон и корзина.

– А вот кому молочка свеженького и малинки! – нараспев говорила она.

Надежде ничего не хотелось – только чтобы поезд тронулся и оставили ее все в покое, дали бы хоть немного поспать. Она вытянула шею, чтобы разглядеть, что происходит на переезде, но ничего не увидела. Тетка поравнялась с их окном и подняла голову.

– А вот кому мол... – начала она, но вдруг вздрогнула и вытаращила глаза. Бидон выпал из ее рук и покатился по земле, молоко тут же впитывалось в сухую жесткую землю.

Из темноты налетел на тетку какой-то мужик, замахнулся кулаком, обругал матом. Она ответила ему что-то тихо и присела, собирая рассыпавшуюся малину. Надежда заметила сверху, что руки у женщины совсем не деревенские – не слишком чистые, исцарапанные, натруженные, но пальцы длинные, запястья тонкие, ногти красивой формы, хоть и с каймой темной.

Да не грязь это, а ягодный сок, сообразила Надежда, его ничем не отмоешь. Сама она на даче как пойдет за черникой или малиной, так потом в городе стыдно появляться. На тыльной стороне ладони у тетки, от запястья к пальцам, тянулась розовая ниточка шрама.

– Черт знает что! – Лидия резко отшатнулась от окна и захлопнула раму.

Надежда поглядела на нее в удивлении. Лидия хмурила брови, губы ее превратились в узкую щель. Сцена, конечно, была неприятной, но с чего так злиться?

– Все в порядке! – в купе снова заглянул Иван. – Сейчас поедем!

И точно, поезд тронулся. Иван без лишних слов полез на верхнюю полку. Надежда тоже стала устраиваться, Лидия сидела, покусывая губы, потом взяла мобильный телефон и вышла. Надежда поглядела на часы – до прибытия в Петербург осталось час сорок. Ну, теперь-то они, конечно, опоздают. Но все равно надо бы освежиться заранее, теперь уж не заснуть, а то потом такая очередь будет.

Туалет, однако, был занят. Надежда решила перейти в соседний вагон и открыла уже дверь, но тут заметила в тамбуре Лидию, прижимающую к уху мобильник. Она остановилась, чтобы не мешать.

Надежда вовсе не хотела подслушивать, просто придержала проклятую дверь, чтобы она не скрипела. И невольно услышала часть разговора.

– Я ее видела! – говорила Лидия с придыханием. – Да, я уверена, что это была она! Совершенно уверена! И она меня тоже узнала, ты понимаешь, что это значит?

Она послушала немного, кусая губы. Ее собеседник так кричал, что Надежда определила мужской голос. Лидия же, напротив, успокаивалась на глазах.

– Исключено, – твердо сказала она, – ты меня знаешь, ошибиться я не могла. Нам нужно встретиться и обсудить все.

Снова она замолчала, потом дала ответ на вопрос.

– Полная дыра, поезд случайно остановился, какой-то буранный полустанок, жителей полтора человека, и те пьяницы. Нет, утром мне на работу надо, домой едва успеваю заехать. В обед? Да нет, у меня полная запарка, я торопиться буду, надо поговорить не спеша... После работы только время выкрою. Нет, рядом с работой не надо... знаешь китайский ресторан напротив банка на углу Пушкинской и... Ну вот, там в районе шести часов.

Надежда едва успела отпрянуть от двери, было бы очень неудобно, если Лидия застала бы ее за подслушиванием. К счастью, туалет освободился, и Надежда юркнула в него, прежде чем Лидия вернулась.

– Верка! Верка! Поднимайся!

Вера попыталась натянуть на себя одеяло, попыталась уйти поглубже в сон, укрыться в его теплой замшевой глубине от этого резкого, злого, раздраженного голоса. Сон был чудесный и непонятный, во сне она гуляла по тенистому саду и была там одна, совершенно одна... нет, рядом с ней шел красивый удивительный зверь, похожий на золотистого леопарда. Зверь был говорящий, но он не ругал ее, не обзывал последними словами, он читал ей какую-то волшебную книгу...

– Верка, просыпайся, зараза! – прогремел над ней прежний злой голос, и кто-то безжалостный сдернул с нее одеяло.

– Кирилл, ну еще пять минут... – сонно пробормотала она, но голос над ней стал еще злее:

– Какой еще Кирилл? Поднимайся, дрянь подзаборная! Поезд прозеваешь!

Сон окончательно растаял. Это было так печально – ей давно уже ничего не снилось, последний год, едва коснувшись головой подушки, она проваливалась от усталости в чугунную, тупую темноту.

Вера села на кровати, разлепила веки и огляделась, пытаясь понять, где она находится.

Это была не ее уютная, красивая спальня, оформленная в лаконичном японском стиле, с лаковыми шкатулками и расписными ширмами, с подлинными светильниками из вошеной рисовой бумаги и средневековыми гравюрами в узких черных рамках...

Эта захламленная комната с низким закопченным потолком, голая лампочка без абажура, маленькие окошки без занавесок, в которые заглядывает густая назойливая темнота... и этот человек с перекошенным от злости небритым лицом, этот мужчина в разношенных тренировочных штанах и застиранной майке бывшего белого цвета...

Правда обрушилась на нее, как холодная вода из ушата.

Она вспомнила весь последний год, все эти ужасные пятьдесят недель, триста пятьдесят с чем-то дней – и захотела немедленно умереть. Все равно как – лишь бы не видеть всего этого тоскливого, тошнотворного, пошлого повседневного ужаса...

Но это ей не удалось.

Небритый мужчина подошел к кровати, наклонился над ней и прохрипел, обдав запахом чеснока и перегара:

– Ну, проснулась, наконец, дармоедка? Одевайся живо и иди к путям! Продашь хоть чего-нибудь!

– К каким путям? – забормотала Вера. – Ночь же сейчас! У нас тут поезда давно не останавливаются!

– Ты долго будешь выкобениваться? – Мужчина наклонился над ней, замахнулся тяжелым кулаком в коротких рыжих волосках. Вера втянула голову в плечи, закусил губу и забормотала испуганно:

– Не надо, Федя, не бей! Я сейчас!

– То-то! – Он передумал бить, шагнул к стене, снял с гвоздя ватник. – Давай одевайся живо! Питерский скорый на переезде остановился, что-то там случилось... Может, продашь молока или ягод.

Вера поднялась, засуетилась, плеснула в лицо горсть тепловатой воды из чугунного умывальника, натянула ситцевый халат, поверх него – ватник, всунула ноги в короткие резиновые сапоги. Выскочила в сени, подхватила бидон с молоком, второй – с собранной накануне малиной и побежала к путям.

Ночь была хоть и летняя, но холодная, и она порадовалась, что надела ватник. Как будто она еще могла чему-то радоваться...

Звезды осыпали темное плюшевое небо густой соленой россыпью, и в их свете Вера видела знакомую узкую тропинку, которая вела к железнодорожному переезду. И там, в конце этой тропинки, горел теплый уютный свет, цепочка окон, в которые выглядывали заспанные, озабоченные лица пассажиров.

Вера подбежала к поезду, перевела сбившееся дыхание и пошла вдоль вагонов, выкрикивая чужим деревенским голосом:

– А кому молочка свежего?! А вот кому ягод?!

– Какие ягоды, тетка? – спросил мужчина средних лет, свесившись с подножки.

Вера проглотила это «тетка», изобразила приветливую улыбку:

– Малина, дяденька, малина! Только вечером собрала!

– Почему?

Она назвала цену, отсыпала в кулек спелых душистых ягод, приняла деньги и пошла дальше вдоль поезда, повторяя заученно:

– Кому молочка свежего? А кому малинки?

Впереди, на переезде, суетились какие-то люди. На путях стоял заглухший грузовик, возле него растерянно переступал водитель. Вера узнала Костика из Горелова, который не раз заезжал к Федору, о чем-то с ним толковал в сених. Впрочем, ей до всего этого не было дела.

– Кому молочка?! Кому ягодок?!

Она споткнулась на кочке, с трудом удержалась на ногах, удержала бидоны, перевела дыхание и перешла к следующему вагону.

– Женщина, что там случилось? Почему стоим? – спросила, свесившись из окна, молодая блондинка с капризным, опухшим со сна, но все же красивым лицом.

– Машина на переезде заглохла! – сообщила Вера, радуясь своей осведомленности.

– Безобразие! – Блондинка взглянула на нее так, будто это именно Вера виновата в неожиданной остановке.

– Молочка не желаете? – проговорила Вера заискивающим жалким голосом. – Или ягодок?

– Знаю я твои ягодки! – фыркнула блондинка и с грохотом захлопнула окно.

Вера пошла дальше, снова остановилась около следующего вагона, запрокинула голову к окну.

В этом окне она увидела двух женщин – одна средних лет, довольно обычной наружности, с растрепанными со сна волосами, хотя глаза были совсем не сонные, а очень внимательные, другая...

Увидев эту другую, Вера застыла, как громом пораженная.

Эти удлиненные карие глаза, коротко стриженные темные волосы, брезгливая складка возле узких губ...

Но это невозможно!

Она видела Лидию мертвой, видела в тот самый день, когда ее прежняя жизнь кончилась раз и навсегда. До сих пор, стоило Вере закрыть глаза, перед ее внутренним взором вставала одна и та же страшная картина – расплывающаяся по ковру лужа крови, разбитый затылок, неестественно подогнутая рука...

Это невозможно!

Но их глаза встретились – и женщина в окне заметно побледнела.

У Веры не осталось никаких сомнений – это Лидия, и Лидия ее тоже узнала.

Земля ушла у нее из-под ног. Руки разжались, бидон с молоком опрокинулся, молоко разлилось по сухой земле, земля быстро и жадно впитала его. Малина рассыпалась душистой горкой...

И тут из темноты появился Федор.

Увидев валяющиеся на земле бидоны, почернел лицом и заорал:

– Стервь! Потаскуха! Ты что ж это натворила?! У тебя руки из какого места растут? Да я же тебя...

– Не кричи, Федя! – тихо отозвалась женщина, торопливо собирая рассыпанную малину. – Не кричи, от людей стыдно. Я ягоды соберу...

– Ага, и молоко соберешь! – проговорил Федор раздраженно, но без прежнего запала, без прежней холодной ярости. Тихий, спокойный голос Веры лишил его уверенности.

А Вера и сама удивилась тому, что больше ничуть его не боится. И вообще – больше никого и ничего не боится. Она подняла глаза к окну вагона и увидела, как коротко стриженная

брюнетка резко, зло захлопнула окно и удалилась, бросив через плечо настороженный, недоверчивый взгляд.

И тут Вера вспомнила тот день, когда ее жизнь покатила под откос, как сошедший с рельсов скорый поезд...

Точнее, ту страшную минуту, когда она стояла над телом Лидии, сжимая в руке окровавленный подсвечник и пытаясь понять, как такое могло случиться.

Лидия лежала в неестественной, неправдоподобной позе, волосы на затылке слиплись от крови, и кровавая лужа расплывалась на ковре. А в руке у Веры был тяжелый бронзовый подсвечник, и с него на пол падали тяжелые темно-красные капли.

– Ты, это, не болтайся тут! – проговорил Федор со странной неуверенностью в голосе. – Иди, что ли, домой! Все равно уж ничего не продашь!

Вера подхватила бидоны и торопливо ушла в темноту, чтобы он не разглядел ее лицо, не прочитал по нему ничего лишнего.

Вернувшись домой, оставила бидоны в сенях, легла в не успевшую остыть постель, сделала вид, что спит. Федор пришел через несколько минут, громко топтался, сбрасывая сапоги, зло бормотал что-то себе под нос. Наконец забрался в кровать, ткнул ее локтем, но Вера никак на это не отреагировала, и он наконец утомился и захрапел.

А она еще долго лежала, снова и снова вспоминая тот день.

После ужасного скандала, который закатила ей на работе Лидия, Вера еле вернулась домой, хорошо, что не было пробок. На следующее утро Вера проснулась совершенно больной. Голова гудела, затылок ломило, во всем теле была такая слабость, что муж всполошился. Долго искали градусник, а когда нашли, оказалось, что температура нормальная. Но в ушах ухал строительный молот, и оторвать голову от подушки было затруднительно.

– Это нервное, – сказал муж, – не ходи на работу, возьми отгул, отлежишься.

Вере было все равно, он сам позвонил на работу. Потом принес ей чаю и ушел. Вера провела первую половину дня в забытии, а потом Лидия сама позвонила ей домой, сказала, что им нужно поговорить.

– Да уж, – ответила Вера многозначительно, – поговорить и правда нужно, только после вчерашнего...

– Вчера я слишком погорячилась. – Голос Лидии и впрямь показался ей виноватым. – Я все тебе могу объяснить. Никуда не уходи, я к тебе сейчас приеду.

Вера долгую минуту разглядывала телефонную трубку.

Что бы это значило? Неужели Лида и вправду раскаялась? Или она задумала какую-то новую пакость? После вчерашнего отвратительного скандала от нее можно было ждать чего угодно...

Звонок в дверь раздался неожиданно скоро.

Вера вскочила с дивана, вышла в прихожую, на секунду задержалась перед дверью, собираясь с силами, придавая лицу твердое, решительное выражение, и наконец открыла дверь.

Лидия стояла на пороге с каким-то странным выражением лица.

– Ну что,пустишь меня в квартиру? – проговорила она, окинув Веру своим обычным презрительным взглядом.

– Проходи! – Вера посторонилась, чтобы пропустить ее...

И тут на нее внезапно обрушилась темнота. Как будто рухнул потолок, придавив ее всей своей тяжестью.

А потом она пришла в себя над бездыханным, окровавленным телом Лидии, с бронзовым подсвечником в руке.

Несколько минут она стояла неподвижно, пытаясь осознать происшедшее, пытаясь понять, как это могло случиться.

В последнее время у нее несколько раз случались провалы памяти. Кирилл беспокоился, предлагал ей отдохнуть, поехать в санаторий летом, но Вера все отнекивалась. И вдруг такое...

Неужели это она в помутнении рассудка убила Лидию?

По всему выходило, что так. Во всяком случае, кроме них двоих, в квартире больше никого не было...

И после того, что случилось между ними накануне...

Федор захрапел громко и как-то обиженно. Вера повернулась к нему, осторожно, чтобы не разбудить, повернула на бок, снова отвернулась к стене и неожиданно заснула.

И когда на следующее утро проснулась, как обычно, рано, у нее в голове уже сложился план.

Она встала, подоила корову, покормила свинью, почистила картошку.

В восьмом часу, зевая и потягиваясь, вышел из дома Федор. Увидев Веру, он вспомнил ночное происшествие, помрачнел и собрался было наброситься на нее с руганью, а то и с кулаками, но она успела перехватить инициативу.

– Федя, – проговорила озабоченно, – кажись, корова захворала. Я съезжу к Лариске в поселок, может, даст какое лекарство.

Расчет был верный – Верина болезнь ничуть бы Федора не огорчила, но корова была одной из основ его материального благополучия, и Федор, помрачнев, позволил съездить в поселок и даже выдал ей немного денег, только велел вернуться не позже трех.

В десятом часу мимо их переезда проезжал на дрезине обходчик дядя Паша, он и подвез Веру до поселка.

Фельдшерица Лариса пила чай у себя на веранде. Пригласила Веру за стол, долго выспрашивала о жизни. Вера разговор поддерживала неохотно, наконец сказала, что у коровы что-то неладно с выменем. Лариса разбиралась и в коровьих болезнях, подробно расспросила и выписала ихтиоловую мазь. Под конец Вера неуверенно проговорила:

– И еще вот что... нет ли у тебя чего от бессонницы?

– Чего? – Лариса уставилась на нее удивленно. – Чего ты сказала?

– Сплю что-то плохо, – смущенно пояснила Вера.

– Это с твоим хозяйством-то? – недоверчиво переспросила фельдшерица. – Вот не поверишь – первый раз такое от простой бабы слышу, чтобы бессонница! Это у городских, у тех бывает, что ночью не заснуть, а наши так наломаются, что не успевают до кровати дойти! Одна только есть проблема – что утром не проснуться!

– Ну так все-таки – нет ли чего? – канючила Вера. – Лежу и лежу до полночи, Федькин храп слушаю... А на дойку вставать в полшестого...

Лариса порылась в своей аптечке и сунула пациентке пару упаковок димедрола.

Дядя Паша на обратном пути подвез Веру до переезда, и она вернулась почти вовремя.

Войдя в дом, поставила на стол бутылку водки.

– Это что это ты так разошлась? – недоверчиво осведомился Федор, однако не удержался, налил стакан. Вера принесла ему малосольных огурчиков, под села за стол, смотрела, как он пьет, подперев кулаком подбородок.

– Что-то какая водка странная, не паленая ли? – проговорил Федор, наливая второй стакан. – У кого брала?

– У Марьи Степановны, на станции, – честно ответила Вера.

Федор тут же повеселел:

– А ежели и паленая, с моим здоровьем это ничего! И вообще, водки плохой не бывает – она либо хорошая, либо...

Договорить он не успел – ткнулся лицом в стол и захрапел.

А Вера вскочила и забегала по дому.

Первым делом она нашла свой паспорт.

Федор прятал его в коробке из-под импортного чая, которую засунул за потолочную балку. Вера как-то заметила, как он лазил туда за какой-то нужной бумагой. Раньше ей даже не приходило в голову поискать документы – зачем? Все равно ей некуда идти – без денег, без одежды. Теперь же она без колебаний полезла за балку и нашла там паспорт. У Федьки ума не хватило запрятать его похитрее или он был уверен, что Вера никуда от него не денется.

После она хотела обшарить его карманы – на дорогу ей нужно было хоть сколько-то денег. Но тут ей повезло: заглянув в кладовку, увидела там старый, давно не работающий телевизор. Задумалась, зачем Федор его здесь держит, на всякий случай отвинтила заднюю крышку и обнаружила внутри полиэтиленовый пакет, набитый деньгами.

– Вот оно что! – проговорила, вспомнив странных гостей, которые заезжали к Федору по ночам. На время этих визитов он ее куда-нибудь выпроваживал, а потом выгружал в подвал какие-то ящики или мешки.

Вера догадывалась, что Федор прячет у себя в подвале товары, украденные из вагонов, но не лезла в его дела. Приезжал Костик на грузовике, и еще один мужик с микроавтобусом. Костик иногда посматривал на нее и все балагурил. Водитель микроавтобуса, наоборот, глядел как на пустое место.

Вере было все равно, чем они занимаются.

Но теперь она подумала, что за этот ужасный год заслужила хоть какую-то компенсацию, и забрала из пакета несколько плотных пачек. Потом подумала и оставила две. Пачки были перетянуты резинкой, в каждой – по сто тысяч.

Теперь хоть с деньгами у нее не будет проблем.

Вера вытащила из одной пачки несколько новеньких шуршащих бумажек – на дорогу, остальные деньги аккуратно увязала в цветастый ситцевый платок и подколола английской булавкой изнутри к подкладке платья.

Платье было жуткое – вылинявшее и застиранное едва ли не до дыр. У нее вся одежда была такая, да и то не своя.

Напоследок заглянула в комнату.

Федор спал, повалившись лицом на стол, время от времени тяжело всхрапывая. Даже этот храп был злым и мрачным. Вера увидела его мясистый затылок, красную шею, торчащую из ворота выгоревшей рубахи, и передернулась от неприязни.

Целый год она прожила с ним!

Этот год нужно засчитывать за два или даже за три, как на войне, так что она сполна отбыла срок за убийство...

За убийство, которого не совершала.

Прежде чем уйти, взглянула на свое отражение в мутном треснутом зеркале.

Она давно уже не смотрелась в зеркало, чтобы не расстраиваться, и сейчас едва узнала себя в этой измученной деревенской бабе средних лет с выгоревшими на солнце, неровно постриженными и плохо вымытыми волосами, в старомодном ситцевом платье и бесформенной старушечьей кофте с вытянутыми рукавами.

Кто поверит, что ей еще нет тридцати?

Кто поверит, что всего год назад она работала в крупном, известном банке, общалась с успешными, обеспеченными людьми, носила одежду приличных фирм, посещала дорогие рестораны?

Она и сама в это уже не верила. Это было в другой жизни, это было с другим человеком, от которого теперь осталась только выгоревшая оболочка да еще имя – Вера...

Вера последний раз оглянулась на Федора и вышла из дома.

Да можно ли называть домом эту жалкую хибарку, притулившуюся неподалеку от железнодорожного переезда?

Она взглянула в сторону железной дороги и поняла, что туда ей путь заказан. Очнувшись, Федор в первую очередь бросится к дяде Паше, узнает, не подвозил ли он ее до города, поговорит со стрелочниками и путевыми обходчиками. Значит, нужно идти в другую сторону, как можно дальше от железки...

За последний год Вера привыкла проходить пешком большие расстояния, и сейчас она легко отмахала пять с половиной километров до шоссе, по которому проходили междугородные автобусы. Там она устроилась в тени под бетонным козырьком остановки и дождалась автобуса на Петербург.

Водитель, которому она сунула одну из новеньких хрустящих купюр из тайника Федора, посмотрел с подозрением, но ничего не сказал, отсчитал сдачу. Вера пристроилась на свободное место в самом хвосте автобуса, откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза.

Заснуть ей, конечно, не удалось.

Перед внутренним взором пробежали те события, которые год назад привели ее в домик на переезде.

Вера работала в кредитном отделе крупного банка, занималась кредитованием юридических лиц. Лидия Костромина была ее непосредственной начальницей. Характер у начальницы был довольно стервозный, но до последнего времени с Верой у нее отношения были равные.

Изменилось все примерно за полгода до того дня. Лидия стала по каждому незначительному поводу вязаться к Вере, постоянно выставляла ее в невыгодном свете перед банковским начальством. По несколько раз проверяла каждый подготовленный ею документ и раздувала любую незначительную ошибку.

Вера не понимала причины такого отношения, но ей оставалось только работать вдвое внимательнее и как можно тщательнее проверять каждую бумагу.

Все это сказалось на ее нервах. Вера стала беспокойной и раздражительной, плохо спала, иногда кричала во сне.

Кирилл забеспокоился, предложил ей какие-то легкие таблетки, но они ничуть не помогали Вере. Ее состояние с каждым днем ухудшалось, вскоре начались головокружения и кратковременные провалы памяти...

Внезапно Вера почувствовала какое-то осторожное прикосновение, открыла глаза.

Рядом с ней сидел загорелый мужик лет сорока в надвинутой на глаза кепке. Видимо, от качки он придвинулся вплотную к Вере и уронил руку ей на колено.

– Дядя, за руками следи! – проговорила Вера недовольно, сбросила его руку.

– Ой, тетя, больно ты мне нужна! – фыркнул тот и крикнул водителю через весь автобус: – Около Запечья остановись! – Потом снова повернулся к Вере, сдвинул изжеванный окурочек в угол рта и процедил: – Тоже мне, королева красоты отыскалась! Кому ты нужна, корова деревенская? Ты еще радоваться должна, ежели тебя мужчина пощупал, хоть бы и по ошибке!

Вера хотела ответить ему резко, неприязненно – но настроя не было, и она смолчала, проглотила обиду.

Автобус затормозил.

Мужик в кепке неторопливо поднялся, вразвалку прошел по проходу на коротких кривых ногах, спрыгнул на асфальт и тут же скрылся за поворотом.

Автобус тронулся.

Вера машинально проверила карман и с грустью убедилась, что кошелек пропал.

Так что этот наглый тип зря времени не терял...

Впрочем, на фоне всех прочих несчастий потеря кошелька показалась ей мелочью. Тем более что она сообразила большую часть денег спрятать за подкладку.

Вера на всякий случай оглядела остальных соседей.

Справа сидела толстая старуха с корзиной клубники на коленях, слева – монахиня в плотной черной накидке.

Успокоившись, Вера снова прикрыла глаза и погрузилась в воспоминания.

Накануне того дня Лидия устроила ей совершенно неприличный скандал. Самое обидное, что устроила она его вовсе на пустом месте.

Началось все с того, что Лидия подошла к Вериному столу, бросила на него компьютерную распечатку и заорала хамским базарным голосом:

– Что это такое? Почему документы по «Остинвесту» до сих пор не подготовлены? Ты что, не знаешь, что срок прошел уже неделю назад? Ты что, не читала пункт о штрафных санкциях? Что ты думаешь – банк должен нести расходы из-за твоей лени и несобранности?

Вера удивленно подняла на начальницу взгляд и проговорила, сдерживая нарастающее раздражение:

– Лида, но я вообще не занимаюсь «Остинвестом»! Это клиент Мазовецкого...

Та, однако, ничуть не смутилась и продолжила с той же скандальной интонацией:

– У нас нет своих и чужих клиентов! Мазовецкий – молодой сотрудник, если ты видишь, что он не справляется, должна предложить ему свою помощь!

Это была уже полная чушь. Попытки лезть в чужую работу никто и никогда не приветствует, а уж в банковском деле они и вовсе недопустимы. Каждый делает свою часть дела и отвечает за свои ошибки.

Вера, все еще стараясь сдерживаться, произнесла вслух эту очевидную мысль, но Лидия закусила удила.

– И каждый день ты опаздываешь на работу! – вопила она. – В прошлый вторник пришла вообще только к обеду!

– Но я заранее отпросилась... мне нужно было попасть к стоматологу...

– Твои личные проблемы никого не волнуют! Свои дела нужно делать в свободное от работы время! Или ты думаешь, что связь с одним из руководителей банка ставит тебя в особое положение и ты стала неприкасаемой?

Это был вообще удар ниже пояса.

У Веры были хорошие отношения с заместителем управляющего по стратегическим проектам Василием Николаевичем Старцевым, умным и образованным человеком средних лет, серьезным финансовым аналитиком и специалистом по ценным бумагам. Но это были именно дружеские отношения, ничего большего!

Вера не выдержала, возмутилась, накричала на начальницу, начался самый настоящий скандал.

В самый разгар этого скандала Вера вдруг перехватила взгляд Лидии. Этот взгляд был спокойным и удовлетворенным, как будто та добилась того, чего хотела. Впрочем, через секунду выражение ее лица снова изменилось, на щеках проступили пятна нервного румянца, голос стал резким и истеричным...

И все это происходило на глазах сотрудников!

Вера поймала себя на том, что хотела бы, чтобы Лидия перестала существовать. Умерла бы прямо сейчас, немедленно. И она, Вера, могла бы ей в этом помочь... говоря другими словами, она готова была убить свою начальницу.

А на следующий день она стояла над трупом Лидии с окровавленным подсвечником в руке.

Вера не помнила, что случилось в те несколько минут, которые прошли между звонком в дверь и этим страшным мгновением. Но она помнила вчерашнюю ссору, помнила внезапно охватившую ее ненависть, помнила растерянные взгляды сослуживцев...

Неужели это она выполнила свое вчерашнее намерение и убила стерву-начальницу?

А если не она – то кто?

Кроме них двоих, в квартире больше никого не было...

Вера заметалась по квартире, попыталась отмыть злополучный подсвечник, но потом вспомнила, как в какой-то телевизионной передаче эксперт-криминалист говорил, что на ору-
дии убийства всегда остаются следы крови, как бы убийца ни пытался их отмыть.

И потом – что делать с трупом?

Даже если она каким-то чудом сумеет от него избавиться, наверняка кто-то из соседей видел Лидию...

Нет, это только в кино ловкие преступники умудряются замести следы... но даже их в конце концов выводят на чистую воду!

Вера села на пол в прихожей и разрыдалась.

Она представила, что ее ждет – суд, камера, зона... и позор, позор, невыносимый позор!
Она – преступница, убийца...

И только тут вспомнила о том единственном человеке, который может ее спасти.

Ведь у нее есть муж, Кирилл! Как она могла забыть? Он спасет ее, вытащит из этого беспросветного тупика!

Вера схватила мобильник, набрала телефон мужа и, едва услышав его голос, сбивчиво проговорила:

– Кируша, родной, случилась ужасная вещь!

– Что такое, малыш? – озабоченно переспросил он. – Ты попала в аварию? Ты не постра-
дала?

– Я – нет... – пролепетала Вера. – Я не пострадала... но она... Лидия... она, кажется, мертва...

Вера взглянула на окровавленное тело, на расплывающуюся по ковру лужу и добавила:

– Она точно мертва...

– Кто? – проговорил Кирилл удивленно. – Кто такая Лидия?

– Моя начальница... помнишь, я знакомила ее с тобой на новогоднем корпоративе...

– Не помню, но это неважно! Что с ней случилось и какое отношение это имеет к тебе?

– Самое прямое... – Вера сглотнула, взяла себя в руки и произнесла то, в чем боялась признаться самой себе:

– Кира, кажется, я ее убила...

Какое-то время в трубке молчали, и Вера уже испугалась, что муж отключился и ей при-
дется рассчитывать только на себя. Но затем снова раздался его голос, уже совсем другой –
серьезный, строгий и немного растерянный:

– Ты... ты уверена?

– Я... я ни в чем не уверена, но... но иначе это не объяснить! Кира, приезжай скорее
домой, мне очень страшно!

Кирилл еще какое-то время молчал, но на этот раз Вера поняла, что он думает, ищет
выход из тупика.

И он снова заговорил.

– Нет... мне не нужно сейчас появляться дома. Мы сделаем по-другому, малыш. Приез-
жай в новый торговый центр на Невском, возле Московского вокзала. Там на первом этаже
есть кафе, я буду ждать там тебя через сорок минут.

Вера не вешала трубку, ей было страшно снова остаться один на один с трупом. И Кирилл
понял, почувствовал ее страх.

– Держись, малыш! – проговорил он ласково. – Мы встретимся, и все будет хорошо!

И она поверила, что все будет хорошо. Она вообще всегда верила Кириллу.

Но он, прежде чем повесить трубку, добавил:

– Только, малыш, возьми с собой паспорт.

– Зачем? – спросила она удивленно.

– Так надо. Это часть плана...

На этот раз Кирилл повесил трубку.

А Вера заметалась по квартире в поисках паспорта. Кирилл сказал, что это – часть плана, значит, у него уже есть план...

Паспорт нашелся в самом неподходящем месте – в ящике кухонного стола, вместе с ножами и вилками. Вера сунула его в сумочку, прихватила еще немного денег и бросилась к выходу, стараясь не смотреть туда, где лежало окровавленное тело...

Она вышла из квартиры, спустилась вниз. В дверях столкнулась с соседкой с третьего этажа. Та сунулась с разговором – спросила, не знает ли Вера, когда в этом году будут отключать горячую воду и на сколько дней. Вера ответила невпопад и под удивленным взглядом соседки выскочила на улицу.

Направилась к стоянке машин, но там маячил человек в черной форме.

От страха у нее затряслись ноги, пересохло во рту.

Резко изменив курс, Вера зашагала к метро.

Перед входом в метро стояли, вяло переговариваясь, двое полицейских.

Сердце у Веры провалилось в желудок, она с трудом взяла себя в руки и прошла мимо стражей порядка на негнувшихся ногах. Один из них скользнул по ней равнодушным взглядом, что-то вполголоса сказал напарнику, и оба засмеялись.

Только спускаясь по эскалатору, Вера сообразила, что тот человек в форме, которого она испугалась, – всего лишь охранник парковки. Впрочем, тут же подумала, что в метро легче затеряться, да и доедет быстрее, учитывая пробки.

Через полчаса она уже входила в торговый центр возле Московского вокзала.

Здесь было многолюдно, и Вера долго не могла найти кафе.

Наконец увидела впереди яркие столики с нарядными клетчатými скатертями, стойку с кофейным автоматом.

Кирилл сидел за крайним столом, возле входа в кафе, и внимательно оглядывался по сторонам. Вера почувствовала нежность и покой. Теперь все будет хорошо, муж ей обязательно поможет.

Кирилл заметил ее, привстал, помахал рукой...

Сейчас ее неприятности закончатся. Кирилл возьмет ее за руки, посмотрит в глаза и ласково проговорит...

Додумать эту мысль она не успела.

К столику Кирилла подошли три человека в одинаковых черных костюмах.

Один из них наклонился к Кириллу, что-то ему негромко сказал. Кирилл вздрогнул, дернулся, но двое других схватили его с двух сторон за локти, подняли из-за столика, повели к выходу из кафе. Девушка за стойкой старательно делала вид, что ничего не замечает.

Вера застыла на месте как громом пораженная. Земля в буквальном смысле уходила у нее из-под ног. Она попыталась шагнуть к мужу, но ноги ее не держали, подкашивались, и ей пришлось схватиться за стойку с одеждой.

Кирилл растерянно оглядывался. В какой-то момент он встретился взглядом с женой. В его глазах она прочитала страх и еще что-то, чего не смогла понять. А еще... еще этим взглядом он пытался предупредить ее, чтобы она к нему не подходила.

Вера провожала его взглядом, полным муки и растерянности.

Она ничего не понимала.

Что происходит? Кто эти люди в черном?

Они уже нашли труп Лидии?

Но тогда при чем здесь Кирилл?

Странная группа быстрым шагом удалялась, смешиваясь с толпой. Вера прикрыла глаза. Все было так страшно, так безнадежно и непонятно! Ей хотелось исчезнуть, умереть или уснуть, уснуть надолго...

А может быть, она уже спит? Может быть, все это ей только приснилось – труп Лидии на полу, люди в черном, уводящие Кирилла...

– Женщина, что с вами? – Рядом с Верой остановилась продавщица, подозрительно взглянула на нее.

Вера увидела себя ее глазами – бледная, напуганная женщина вцепилась в одежную стойку и смотрит перед собой в полной растерянности... ее, чего доброго, могут принять за наркоманку!

Вера провела рукой по глазам, шагнула вперед.

Ноги снова слушались ее, и она пошла куда глаза глядят, лишь бы подальше отсюда.

Чувства ее необыкновенно обострились. Все звуки казались слишком громкими, запахи – невыносимо сильными, яркий свет резал глаза. Проходя мимо парфюмерной секции, Вера едва не задохнулась от смеси пряных, удушливых ароматов. Она прибавила шагу, стараясь все же не бежать. Прохожие шарахались от нее, удивленно смотрели вслед. Мужчина в темном пиджаке уставился настороженно, подозрительно. Он был чем-то похож на тех троих, которые увели Кирилла. Вера прибавила шагу, попыталась придать своему лицу выражение уверенности и безразличия, но это у нее плохо получилось.

Наконец она выбралась на улицу.

Но и здесь страх не оставил ее. Ей казалось, что все встречные смотрят на нее с тем же подозрением. Какая-то пожилая женщина шагнула ей навстречу и проговорила:

– Где здесь подлая убийца?

– Что? – Вера отшатнулась, как от удара, схватилась за лицо.

– Где здесь Подольская улица? – повторила женщина, но увидела расширившиеся от ужаса глаза Веры и испуганно отступила, смешалась с толпой.

Вера шла вперед, не разбирая дороги, и вдруг рядом раздался скрип тормозов и злой, испуганный голос:

– Ты куда прешь, идиотка? Тебе что, жить надоело? Так ты другое место выбери, мне из-за тебя сидеть неохота!

Она осознала, что стоит на проезжей части, а рядом с ней – чудом успевшая затормозить машина и водитель – красный, растрепанный, ошалевший.

Невнятно извинившись, Вера быстро перешла на другую сторону, вошла в какие-то двери и с удивлением осознала, что идет по перрону Московского вокзала.

– До отхода пассажирского поезда сообщением Петербург – Пошехонск остается одна минута! – прогремел голос в репродукторе. – Провожающих просим покинуть вагоны!

Невдалеке от нее по перрону шли двое полицейских в форме, на поясе у одного из них раскачивались наручники.

Вера вдруг с необыкновенной яркостью представила, как эти наручники защелкиваются на ее запястьях, даже почувствовала боль в сдавленной косточке...

Решение пришло внезапно. Она шагнула в двери вагона.

– Билет! – строго проговорил проводник, рыжий, плохо выбритый дядька с бородавкой на щеке.

– Я... у меня нет... – забормотала Вера. – Но мне очень нужно уехать... очень нужно...

Она достала кошелек, умоляюще взглянула на проводника. Тот воровато огляделся, понизил голос и проговорил:

– Ладно, посиди пока в моем купе, я сейчас обойду вагон и подберу тебе какое-нибудь место!..

Вера благодарно кивнула, юркнула в служебное купе, уселась на жесткую скамью и прикрыла глаза.

И снова увидела окровавленный затылок Лидии, расплывающуюся лужу крови на ковре. Ее словно подбросило невидимой пружиной.

В купе было душно, стены давили, как будто Вера уже оказалась в одиночной камере. Она вышла в коридор, подошла к открытому окну, глотнула воздуха. Воздух был пыльный и горячий, он принес запах дегтя и ржавчины. За окном проплывали пригороды Петербурга – гаражи, бетонные коробки складов и пакгаузов.

Рядом с ней образовался невысокий худошавый мужичок с редкими прилизанными волосами, с какой-то неприятной расхлябанностью в движениях.

– Куда едем? – проговорил, заглядывая Вере в глаза. – До конечной?

– А вам что за дело? – насторожилась Вера, смерив незнакомца взглядом.

– Да мне, собственно, никакого дела нет. – Тот сально ухмыльнулся. – Исключительно для приятного разговора. Ежели ты до конечной едешь, стало быть, мы с тобой земляки и можем это дело отметить, к примеру, в вагоне-ресторане...

– Никакие мы не земляки! – отмахнулась Вера и вернулась в дежурное купе. Задвинув за собой дверь, прилегла на нижнюю полку, подложив под голову сумку, и неожиданно задремала.

Проснулась она от осторожного прикосновения.

Над ней стоял рыжий проводник, смотрел выжидательно. За окном было темно, поезд шел, ровно постукивая на стыках рельсов.

– Я уж тебя не будил, – проговорил проводник. – Гляжу – умаялась. Я тебе, между прочим, местечко нашел, в четвертом купе. Но, это, сама понимаешь, надо рассчитаться. У нас пока что не коммунизм. И, судя по всему, не предвидится.

– Да, конечно, большое спасибо! – Вера села на полке, протерла глаза, открыла сумочку. – Сколько?

– А это смотря куда тебе нужно. Ежели до конца, до Пошехонска, – тысячу, а ежели еще куда...

Вера кивала и рылась в сумочке. Она помнила, что там лежал кошелек – новенький бумажник из вишневой кожи. Но его не было, как корова языком слизнула.

– Это очень даже по-божески! – продолжал проводник, следя за ее руками. – В кассе с тебя больше возьмут...

– Извините, – пролепетала Вера, поднимая на проводника растерянный взгляд. – У меня кошелек пропал... наверное, украли...

Она вспомнила прилизанного мужичка возле окна, его мягкие, вороватые движения, скользкий взгляд...

– Это что значит – украли? – проводник насупился, грозно навис над Верой. – Это ты не на меня ли думаешь? У нас в поезде такого порядка нет, чтобы воровать! У нас, между прочим, бригада образцового обслуживания! Так что ты не очень-то!

– Я вас не имела в виду... – смутилась Вера. – Наверное, это раньше...

– Раньше! – передразнил ее проводник. – А теперь не то что раньше, теперь у нас новые порядки! Это раньше можно было задарма, а теперь все исключительно за деньги! Знаю я таких! Денег, видите ли, нету! На халяву хочешь прокатиться? Так, это, не выйдет!

– Извините, – голос Веры задрожал, на глазах выступили слезы. – Извините, но я правда не хотела... у меня были деньги, в кошельке, но он пропал... здесь был такой мужчина подозрительный, вертлявый такой, с залысинами...

– Ты мне сейчас что хочешь сочинишь! – оборвал ее проводник. – Любого мужика! Если кто здесь и есть подозрительный, так это ты! Прибежала, как будто за тобой черти гонятся, заскочила в вагон... И нечего мне тут пургу гнать!

– Я... я правду говорю! – Вера вытряхнула на скамью содержимое сумки, еще раз лихо-радно все перебрала. – Был кошелек...

– Ну, ладно, – проводник вдруг смягчился, подсел к ней. – Со всяким бывает. Что же я, не человек? Ладно, можешь ехать, я же вижу, что тебе очень нужно...

– Спасибо... – растерянно пробормотала Вера, немного отодвинувшись.

– Только ты, это, сама понимаешь... – продолжал проводник, снова придвигаясь к ней вплотную. – Это самое...

– Что?! – Вера вжалась в самую стенку. – Это вы о чем?

– Ну, ты, это, малолетку несмышленную не изображай! – фыркнул проводник, как закипающий чайник. – Взрослая баба, должна все понимать! Ежели денег нету – всегда можно договориться! Ты мне это, сразу приглянулась...

– Что вы имеете в виду?! – возмущенно воскликнула Вера.

– Это самое и имею! – проводник вдавил ее в стенку и ухватил за грудь, надвинулся всем телом. – Дорога, это, длинная, так чтобы не скучать... да не ломайся ты, тебе самой понравится! Я, между прочим, не какой-нибудь имплантант... то есть имплантент...

Вера с ужасом смотрела на его налившиеся кровью глаза, на рыжие волосы, торчащие из ноздрей, на безобразную бородавку. Она чувствовала, что еще немного – и ее стошнит.

– Ой, кто это? – вскрикнула, показав на дверь купе.

Как ни странно, этот старый как мир и наивный прием сработал – проводник чуть отодвинулся, повернул голову и проговорил:

– Туалеты открою после Бобровска...

Вера, воспользовавшись его замешательством, вскочила, поднырнула под руку, дернула дверь купе и вылетела в коридор, а оттуда – в там-бур.

Навстречу ей двигался давешний прилизанный мужичок. Увидев Веру, он широко, фальшиво улыбнулся, продемонстрировав полный рот золотых зубов, и протянул:

– Каки-е люди! Что, надумала насчет вагона-ресторана, землячка? Водочки, того-сего...

Вера попятилась, но за спиной у нее уже вырос проводник.

– Вот он! – воскликнула девушка, показывая на прилизанного. – Вот кто у меня кошелек украл!

– Михалыч, – обиженно запричитал вор. – Ты, надеюсь, ей не веришь? Ты же меня сколько лет знаешь!

– А как же! – осклабился проводник, наступая на Веру. – Я тебя, Саквояж, с самого девяносто четвертого года знаю и имею насчет тебя исключительно хорошие отзывы. Только ты, Саквояж, поаккуратнее работай, чтобы не было касательно тебя этих... жалоб и предложений! Мне они, сам понимаешь, ни к чему!

Вера попыталась обойти проводника, но он прочно перегородил ей дорогу.

– Твоя правда, Михалыч! – погрустнел прилизанный. – Насчет жалоб и особенно предложений ты, как всегда, прав. Хотя одно предложение у меня все же имеется. Это ведь у нас сейчас будет двести четырнадцатый километр?

– Точно! – ухмыльнулся проводник. – Ты, Саквояж, эту дорогу изучил, как свои приблизительно пять пальцев. Вот что значит – опыт и практика!

– А на двести шестнадцатом путь идет на подъем, – рассудительно продолжил Саквояж.

– И опять в самую точку! – одобрил проводник. – Только, Саквояж, если ты чего задумал, я об этом знать не хочу. У меня, сам понимаешь, работа. И исключительно хорошие отзывы.

Он хотел добавить еще что-то, но в это время дверь тамбура открылась, и в нем появилась крупная широкоплечая тетка лет шестидесяти в розовом халате, с махровым полотенцем на плече.

– Помогите! – вскрикнула Вера, кинувшись к ней.

Женщина, однако, решительно ее отодвинула и процедила ледяным голосом:

– Нечего меня тут втягивать в свои шашни! Я женщина приличная, воспитанная, всякой ерундой не интересуюсь! Даже замужем не была исключительно ни разу!

Затем она повернулась к проводнику и добавила совсем другим тоном:

– А вот что туалет в вашем вагоне закрыт, это непорядок!

– Туалеты открою после Бобровска! – отрезал тот, давая понять, что не собирается вступать в дискуссии.

Тетка поджала губы и непонятным образом исчезла из тамбура. Вера попыталась было последовать за ней, но прилизанный вор ухватил ее за шею и прижал к стене.

– Ты куда это намылилась? – прошипел в самое ухо. – Незачем тебе туда! Тебе сейчас совсем в другую сторону!

Вера пыталась вырваться, но вор держал ее, как в железных клещах.

– Михалыч, – проговорил он через ее голову. – Чтой-то душно у тебя в тамбуре. Ты бы дверку приоткрыл!

– Приоткрыть – это можно, – солидно кивнул проводник. – Почему не приоткрыть. Только ежели ты еще чего задумал – я насчет этого не знаю и знать не хочу!

Он открыл входную дверь, и в тамбур ворвался ночной ветер, стук колес сделался громче и ближе, в проеме промелькнул далекий огонек.

Проводник отступил от двери и вышел из тамбура, через плечо бросив вору:

– Потом сам закроешь! И помни – я ничего о твоих делах не знаю!

Саквояж подтащил Веру к открытой двери. Она попыталась вцепиться в притолоку, но он легко оторвал ее, вытеснил на подножку. Поезд немного замедлил ход, стук колес стал реже и отчетливее. Вор толкнул Веру плечом, она потеряла равновесие и полетела в темноту.

Через секунду она ударилась боком о насыпь, покатила по ней, стараясь сгруппироваться, закрыть руками голову. Несколько секунд она катилась, обдирая бока и руки о гравий, и наконец замерла, распластавшись на пыльной сухой траве.

Очень долго лежала так, слушая, как мимо проносится поезд.

Наконец все затихло, и наступила звенящая, гулкая тишина, какой она не слышала много лет. Только кузнечик осторожно застрекотал, когда вдали стих грохот поезда.

Высоко в небе сияли густой россыпью звезды.

Вера перевела дыхание и села.

Все тело горело и ныло от ушибов, голова кружилась, но серьезных повреждений как будто не было. Она встала, сделала несколько неуверенных шагов и пошла вперед – сама не зная куда, чтобы только не оставаться на месте.

Вскоре далеко впереди она увидела тусклый огонек и прибавила шагу. Теперь у нее была хоть какая-то цель. С каждым шагом голова кружилась все сильнее, в ушах бухало, но она шла и шла, понимая, что если остановится и присядет, больше уже не сможет подняться.

Огонек рос, и приближался, и вскоре превратился в одинокое окно.

Вера шла к этому окну, оступаясь и спотыкаясь, преодолевая дурноту и слабость, и наконец разглядела домик, жалкую покосившуюся хибарку. Возле нее не было ни цветов, ни кустов, только дощатый сарай да еще какая-то пристройка. Теряя последние силы, Вера дотащилась до дверей, облокотилась о притолоку и постучала.

Открыли ей очень быстро.

Вера не разглядела стоявшего в дверях человека – вокруг было темно, а у него в руках был яркий фонарь, направленный прямо ей в лицо.

– Это кто же это? – проговорил хриплый мужской голос.

Вера хотела ответить, но силы окончательно оставили ее, и она потеряла сознание.

Когда Вера пришла в себя, она очень долго пыталась вспомнить, где находится.

Низкий закопченный потолок, голая лампочка без абажура, маленькие окошки... нет, никогда прежде она не была в этой комнате!

С трудом приподнявшись на локте, она проговорила чужим неуверенным голосом:

– Где... где я?

Возле кровати появился незнакомый мужчина с мрачным небритым лицом и прохрипел:

– Ну вот, наконец очухалась! Сколько можно валяться? Я за тобой ходить не нанимался!

– Где я? – повторила она, с ужасом оглядывая комнату. – Как я сюда попала? Кто вы такой?

– Вот интересно! – процедил мужчина. – Сама ко мне посреди ночи притащилась, и сама меня расспрашивает!

– Посреди ночи? – переспросила Вера.

В ее памяти всплыло ночное небо, дорога по ночному полю... Затем, в обратном порядке – открытая дверь тамбура, несущиеся мимо нее столбы, далекие огни...

– Притащилась и отключилась! – проворчал незнакомец. – А я тут с тобой скоро неделю вожусь, будто у меня своих дел нету!

– Неделю?! – в ужасе воскликнула Вера. – Я здесь уже целую неделю?!

– Именно что целую неделю! И я с тобой целую неделю вожусь, как будто мне за это платят! Ну все, раз ты очухалась – вставай, тут тебе не санаторий! Корову доить надо, грядки полоть, и по дому дел полно! Пока с тобой возился, все запустил...

– Что? – Вера удивленно вытаращилась на незнакомца. – Вы что, не в своем уме? То есть, конечно, спасибо, что ухаживали за мной, я вам очень благодарна...

– Из спасибо шубу не сошьешь! – рявкнул мужик. – Слышишь, корова мычит?

Из-за стены и впрямь раздавалось возмущенное мычание недоеной коровы.

Вера подумала, что она бредит. Это не ее жизнь! Все это происходит не с ней!

– Но я... я ни разу в жизни не доила корову! – воскликнула она, чтобы поставить на место этого сумасшедшего. – У меня ничего не получится!

– Научишься! Я покажу!

Вера встала с постели. Голова еще кружилась, и она взялась рукой за спинку кровати. Переведя дыхание, попыталась еще раз достучаться до этого странного человека:

– Послушайте, я еще раз благодарю вас за уход, за гостеприимство, но мне нужно вернуться домой. Где здесь ближайшая станция?

– Вот как? – мужик осклабился. – Домой захотела? Может, тебя еще подвезти до станции?

– Конечно, это было бы хорошо. – Вера вымученно улыбнулась. – Я понимаю, что это стоит денег... И вообще, я вам должна за уход и проживание...

– Хорошо, что понимаешь!

– Вы не беспокойтесь, я заплачу...

Вера вспомнила, что кошелек у нее украли еще в поезде, и поспешно добавила: – Я пришлю вам денег, как только доберусь до дома...

– Ага, ты меня совсем за дурака держишь! – Мужчина набычился, взглянул на нее исподлобья. – Все, хватит болтать! Иди в хлев!

– Пойдите! – жалким, неуверенным голосом перебила его Вера. – Пойдите! Как вас зовут?

– Ну, допустим, Федор!

– Так вот, Федор, я обязательно пришлю вам денег, как только приеду домой!

– Ну все, ты меня достала! – Мужчина двинулся к ней, грозно сдвинув брови. – Ты, похоже, совсем с рельсов съехала, но я тебя быстро обратно поставлю!

Он выдернул из штанов ремень, ухватил его поудобнее и замахнулся на Веру:

– А ну в хлев! Корову доить!

– Да вы что?! – взвизгнула Вера, отскочив в угол. – Вы и правда сумасшедший? Я сейчас же уйду, хоть пешком!

– Никуда ты не уйдешь! – Федор отрезал ей путь к двери и надвигался неотвратимо. – Никуда ты не денешься!

– Это почему же?

– А вот сейчас я тебе все объясню, Вера.

Она хотела спросить, откуда он знает ее имя, но тут же поняла, да он и сам ей все быстро растолковал:

– Во-первых, твой паспорт у меня, а без паспорта ты никуда не денешься...

– Мы не в Сибири и не на Камчатке! На попутках до города доберусь, а там заявлю в полицию, что у меня украли паспорт.

– Ага, в полиции! – Федор снова нехорошо усмехнулся. – Не пойдешь ты ни в какую полицию.

– Это почему же? – Вера попыталась придать своему голосу уверенность и твердость, но это получилось плохо.

– Это потому, что на тебе висит мокрое дело! – довольно проговорил Федор. – Ты, покуда здесь валялась, все время поминала какую-то Лидию и лужу крови. И не считай меня за дурака – с чего бы тебе ночью из поезда прыгать, ежели ты не в бегах? Так что никуда ты не денешься! А чтобы все до тебя быстрее дошло – придется тебя поучить по-нашему, по-простому! – Он толкнул ее на койку, задрал подол и несколько раз как следует приложил ремнем.

И с этого дня началась ее ужасная жизнь.

Вера вставала ни свет ни заря, доила корову, готовила Федору завтрак, работала в огороде. Поначалу у нее все получалось из рук вон плохо, но Федор бил ее за каждый промах, и она понемногу освоила нехитрую деревенскую работу.

Когда как-то вечером он залез в ее постель, Вера попыталась отбиться, едва не теряя сознание от отвращения. Федор лез напролом, дыша на нее застарелым перегаром, она дергала его за волосы, молотила кулаками по лицу, понимая в душе, что ничего не поможет, но не могла покориться, такое он внушал ей отвращение. От ее сопротивления он тихо зверел и бил все сильнее, тогда она укусила его в плечо – сильно, до крови, так что зубам стало больно.

– Ах ты... – вскрикнул Федор и отшатнулся.

Она успела только перевести дух, как он снова появился с ножом в руках.

– Щас всю рожу перережу! – взвыл он дурным голосом и взмахнул ножом.

Она успела закрыться, и он полоснул по запястью. От вида собственной крови она не потеряла сознание, но так ослабела, что не могла больше сопротивляться. Федор взял ее, не применяя больше силу.

На следующее утро она едва смогла встать, до того сильно он избил ее. От того случая на руке у нее остался шрам, а в душе – стойкая мутная ненависть. С того вечера она поняла, что сопротивляться бесполезно, и терпела его, сжав зубы.

К Федору время от времени заезжали какие-то подозрительные люди, он разговаривал с ними вполголоса, потом прятал в подвале мешки и ящики. Как-то приехал толстый красно-мордый полицейский на мотоцикле с коляской. Федор называл его кумом, они пили до самого утра мутный вонючий самогон. Утром, когда полицейский уехал, Федор самодовольно заявил:

– Видела, где у меня полиция? Так что гляди, Верка, будешь выкобениваться – расскажу Кузьмичу насчет твоей Лидии. Ты ведь наверняка в розыске, по убийствам дела долго не закрывают, так что загремишь на зону... ты на зоне не была, не знаешь, что это такое! Там из тебя дурь быстро выбьют! А если надумаешь от меня сбежать – далеко не уйдешь, тебя ко мне же вернут, и уж тогда я тебя так излущую – век помнить будешь!

И тогда Вера поняла, что эта ее новая жизнь – навсегда. Да и была ли когда-то другая?

Копая огород или доя корову, она иногда замирала на мгновение и пыталась вспомнить, кем она была прежде. Да и была ли когда-то та, прежняя жизнь? Работа в банке, хорошо одетые, уверенные, обеспеченные люди, дорогие рестораны – все это казалось теперь Вере нереальным, фантастическим вымыслом, вроде иностранного фильма, который смотрела когда-то давно. Вот бесконечные сорняки, с которыми она боролась на огороде, вот мычание коровы, резиновые галоши на ногах, от которых у нее появились кровавые мозоли, – это было реальностью, грубой, безысходной реальностью.

Иногда, просыпаясь по утрам, она воображала, что окажется сейчас в своей городской квартире, но реальность тут же разрушала эти мечты: рядом раздавался храп Федора или слышался его же хриплый крик:

– Вставай, Верка, вставай, тетеря сонная! Корову доить пора!

Поначалу Вера иногда останавливалась перед мутным треснувшим зеркалом и изумленно смотрела на свое отражение.

Кто эта изможденная, преждевременно постаревшая деревенская тетка в сатиновом халате или в поношенном ватнике? Неужели это она, Вера?

Потом она перестала смотреться в зеркало – к чему лишние расстройствa? Она уже привыкла к своей новой жизни и не представляла, что в ней что-то может измениться. Даже грубые, потные объятия Федора, его хриплое дыхание, пахнущее чесноком и перегаром, принимала без прежней ненависти, с тупым животным безразличием.

И вдруг минувшей ночью все изменилось.

Она увидела в окне поезда лицо Лидии.

Та была жива и, по всей видимости, здорова.

Вера не могла понять, как такое возможно. Ведь она своими глазами видела труп с разбитой головой! Конечно, она не врач и не могла убедиться, что Лидия мертва. Она даже не проверила ее пульс – просто не могла заставить себя прикоснуться к телу.

Но сейчас она даже не хотела ломать голову над этой загадкой.

Важно было одно – над ней больше не висит обвинение в убийстве, значит, она может вернуться к своей прежней жизни, может вернуться к Кириллу!

На фоне этой радостной мысли темным облачком мелькнуло воспоминание о том, как Кирилл вели трое людей в черных костюмах, но она решила, что это позднее найдет какое-то объяснение.

Проснулась Надежда, когда поезд подъезжал к Петербургу. За окном всходило солнце, народу в туалет толклось немерено, так что Надежда только обтерла лицо тоником, потом припудрила и наредила губы. Ничего, доедет до дома, а там уж – под душ! Может быть, еще и мужа застанет... ох, соскучилась, три дня не виделись!

Иван пил чай, сидя на месте Лидии, самой ее в купе не было.

Надежда собрала постель, вернулась Лидия и положила на столик дорожную косметичку. Женщины взглянули друг на дружку и рассмеялись. Косметички были совершенно одинаковыми – этакие объемистые кожаные торбочки на молнии. Надежда брала свою только в поездки, в обычную дамскую сумочку она не влезала. А так можно уместить много мелочей, необходимых в дороге.

Поезд резко трянуло на стыке, Надежда едва удержалась на ногах, Иван выронил стакан с чаем, хорошо, что пустой. Он нагнулся, толкнул головой столик, косметички свалились на пол.

– Медведь какой! – Лидия вырвала из его рук косметичку и сунула ее в сумку.

– Петербург! – донесся зычный голос проводницы.

Лидия буркнула что-то, отдаленно напоминаящее «до свидания», и выскочила в коридор. Надежда с Иваном простилась дружески, он порывался поднести ей вещи, но сумка была

легкой – платье нарядное, да туфли, да разные мелочи. Лето на дворе, много одежды не нужно...

С мужем они столкнулись на пороге.

– Надя! – обрадовался он. – Хорошо отдохнула? Вид свежий, цветущий...

– Какое там! – Надежда подставила щеку для поцелуя. – Отдохнула-то чудесно, но вот ночь в поезде была ужасной...

– Позавтракай да поспи! – Муж чмокнул ее в щеку и метнулся в открывшийся лифт.

Надежда слегка расстроилась – снова слышалась ей в голосе мужа этакая легкая насмешка – дескать, что у тебя за заботы, сидишь на всем готовом, в поезде ночь не поспала – ужас как уморилась! А забыла, как на работу в раннюю рань вставала и тащилась через весь город в переполненном транспорте?

Надежда отмахнулась от этой мысли – так и параноиком недолго стать. В конце концов, тысячи женщин живут в домохозяйках и другой доли и не хотят совсем. А она комплексует по поводу отсутствия работы. Ей просто скучно, голову нечем занять.

Кот Бейсик был настолько любезен, что встретил ее в прихожей. Надежда умилилась и отогнала мысль, что кот просто не успел уйти после того, как провожал мужа.

Сан Саныч кота обожал, Надежда уже и ревновать перестала. Кот тоже его отличал, но в пику Надежде. Вообще с возрастом у кота характер стал скверный. Сегодня же он был в хорошем настроении – подошел потереться и даже мурлыкнул что-то приветливое.

– Мой дорогой! – Надежда с усилием подняла кота и поцеловала в нос. – Ты соскучился?

Кот предпочел промолчать.

Надежда напилась кофе с бубликом, отрезала коту кусок сыра. Продуктов в холодильнике не было – Сан Саныч не успел заехать в супермаркет. Ничего, это дело поправимое. Спать она не собирается, нужно заняться хозяйством.

Надежда разобрала вещи и заметила на подоле платья подозрительное пятно. Не то вино, не то соус. Ну так веселилась, ясное дело, пятно посадила! Сейчас заодно и в химчистку...

Надежда быстренько натянула летние брюки и майку, на улице удивительно тепло для августа. И взглянула на себя в зеркало.

Была у нее замечательная московская тетка, в молодости – настоящая красавица, да и теперь, перешагнув восьмидесятилетний рубеж, не потерявшая некоторой привлекательности. Тетка к своей внешности относилась очень серьезно, не допускала никаких поправок и слышать не могла некоторые выражения типа «Кому я нужна», «Да кто меня здесь увидит».

– Надя, – повторяла тетка, – женщина всегда должна быть в полной боевой готовности. Дело даже не в мужчинах, дело в самой себе. Никто не должен видеть тебя растрепой! Идешь в квартире мимо зеркала – остановись, взгляни на себя лишний раз, хоть причешишь! Без косметики из дому ни шагу! Хоть в магазин, хоть к соседке за солью, хоть мусор вынести – помада на губах!

Надежда тетку свою любила и уважала, и к советам ее относилась серьезно. Поэтому сейчас перед выходом из дома она полезла в косметичку, нашарила там тюбик помады и поднесла к губам. В то же самое время кот Бейсик прыгнул на стол и одним точным движением лапы сбросил косметичку на пол. С возрастом кот стал ленив и такие спортивные забавы позволял себе редко, так что сейчас Надежда только рассмеялась – умница какой!

И повернулась к зеркалу – но что это? Отчего это губы ее кажутся вымазанными кровью, как у ведьмы из сказки?

Она оглядела тюбик помады – фирма ее, патрончик золотисто-черного цвета, только помада не тепло-розовая, в беж, а темно-красная с коричневым, цвета свернувшейся крови. В жизни не пользовалась такой помадой! Такой цвет подходит только брюнеткам и то не всем...

Тут в голове у Надежды забрезжила мысль, и она бросилась подбирать предметы, выпавшие из косметички, оттолкнув кота, который в упоении катал по полу тушь, подводку, бутылочку лака для ногтей, крошечный пузырек с духами, еще один тюбик помады, на этот раз малиновой, упаковку бумажных носовых платков, влажные салфетки, пилочку для ногтей, пинцет – словом, самые необходимые мелочи, которые любая женщина берет в дорогу. Был там еще маленький плоский ключик и какие-то бумажки, но Надежда не глядя запихнула все это в косметичку и задумалась.

Вещи были не ее. И сама косметичка была чужая, хоть и похожая на ее собственную как две капли воды. Все ясно, они с Лидией перепутали косметички. Этот медведь Иван уронил стакан, потом бросился подбирать, поддал головой столик, косметички упали, а Лидия второпях схватила не ту. И была такова. И что теперь делать?

Надежда стерла с губ ненавистную помаду и стала вспоминать, что такого было у нее в косметичке. Выходило, что ничего особенного. Жалко, конечно, дорогой косметики, но все восстановимо. Слава богу, ни кошелька, ни ключей от квартиры, ни документов там не было.

С одной стороны, это хорошо, с другой – Лидия могла бы установить по документам ее адрес или телефон и связаться с Надеждой.

Надежда вывалила на стол все из косметички и погрозила кулаком коту, который намылился было снова поиграть. Тоже ни телефона мобильного, ни документов, ни кошелька. Это-то слава богу, а то еще подумают на нее плохое...

Вообще-то жалко той косметички. Надежда порылась в ящике стола и нашла старый тюбик с засохшей помадой. И еще один, эта в свое время не подошла по цвету. Накрасив губы, она поняла, что сейчас помада тоже не подходит. И окончательно расстроилась. Нет, все же нужно что-то делать, хоть попытаться.

Что она знает о Лидии? Они почти не знакомы, в пути та держалась сдержанно, переброелись они парой слов, Надежда сказала, что едет с юбилея подруги, а Лидия пробормотала, что села в Пошехонске – не то в командировку ездила, не то по личному делу...

Надежда вспомнила эту беспокойную ночь, вспомнила, как поезд остановился на безымянном полустанке, как местная тетка, увидев Лидию, вдруг выронила свои бидоны, и они покатались, и молоко тут же впитывалось в сухую потрескавшуюся землю. И как Лидия отшатнулась и закрыла окно, а потом говорила с кем-то по мобильнику злым напряженным шепотом...

Эврика! Надежда едва не шлепнула себя по лбу. Ведь Лидия договаривалась с кем-то увидеться сегодня в шесть часов вечера в китайском ресторане на углу Пушкарской! Стало быть, нужно просто подъехать туда в то же время и отвезти косметичку. Лидия, конечно, ту, Надеждину, с собой не захватит, но там уж как-нибудь они пересекутся. Неудобно, конечно, признаваться, что она подслушала разговор, но это вышло совершенно случайно. И, в конце концов, это Лидия первая схватила чужое. Смотреть нужно за вещами!

Надежда еще раз огорчилась, глядя в зеркало, – помада решительно не подходила. Ладно, в химчистку придется идти как есть.

Вера очнулась от тяжелых воспоминаний. Мимо окон автобуса поползли пригороды Петербурга – мрачные промышленные корпуса, склады, потом – одинаковые, унылые до ломоты в зубах спальные районы, кое-где оживленные кварталами новой застройки и торговыми комплексами. Наконец, автобус выехал на площадь и остановился.

Вера поймала такси, назвала свой адрес.

Пожилый водитель смотрел на нее сочувственно, интересовался видами на урожай и жизнью в деревне. Вера отмалчивалась или отвечала односложно.

Вот и ее дом, в этом подъезде, на четвертом этаже, была их с Кириллом квартира. Вон там он ставил машину – возле подъезда, еще были у него трения с Толиком из семнадцатой квар-

тиры. Толик хотел ставить свой джип тоже только у самого подъезда, ему, по его собственному выражению, было запаadlo пройти лишних пять шагов. Но Кирилл заявил, что занял это место раньше. Они долго ругались, пока Толик не купил дом на Кипре и не переехал туда насовсем, заявив напоследок, что ему все здесь обрыдло. Джип он продал.

По лестнице она поднималась медленно, с бьющимся сердцем.

Как встретит ее Кирилл? Узнает ли в этом замызганном чучеле?

Вера осознала, как она отвратительно выглядит, и ужаснулась: появиться в таком виде перед мужем после целого года разлуки!

Но делать что-то было поздно, да и силы на исходе. Ужасно хотелось увидеть Кирилла, а, честно говоря, – еще больше хотелось встать под горячий душ...

Она вспомнила свою ванную – яркие потолочные светильники, хромированные поверхности кранов, нежно-розовая кафельная плитка, теплый пол...

Отбросив колебания, она нажала на кнопку звонка.

За дверью раздались незнакомые шаги, дверь распахнулась.

На пороге стояла расплывшаяся женщина лет сорока в ярком халате, с лицом, покрытым чем-то зеленым – должно быть, каким-то косметическим составом.

Удивленно оглядев Веру, незнакомка поджала губы и недовольно проговорила:

– Мы ничего не покупаем. И не подаем нищим.

– А вы кто? – растерянно протянула Вера.

В ее голове возникла какая-то идиотская мысль насчет Кирилла и этой женщины. Впрочем, учитывая возраст и внешность женщины, мысль была и вправду идиотской.

– Вот интересно! – незнакомка возмущенно запыхтела. – Василий, как тебе это понравится? Ко мне в квартиру припирается какая-то деревенская корова, и она же у меня спрашивает – кто я? Нет, это уже ни в какие ворота не лезет!

За спиной у женщины возник лысый приземистый мужчина в майке и тренировочных штанах. Без интереса взглянув на Веру, он сказал недовольным простуженным голосом:

– Но пампушечка, я тебе говорил – не открывай двери кому попало! Сейчас развелось так много разного жулья... вот Передоновы открыли дверь, и у них вынесли всю сантехнику...

– Но я думала, что это Варвара Степановна, – возразила «пампушечка» и захлопнула дверь. Оттуда еще какое-то время доносились раздраженные голоса, а Вера стояла на лестничной площадке, пытаясь понять, что же произошло.

На всякий случай она взглянула на номер квартиры – может быть, просто ошиблась этажом. Но нет, номер был тот самый, цифра девять, этаж четвертый, уж свой-то собственный адрес она не успела забыть.

В чем же тогда дело?

Она задумчиво побрела вниз по лестнице, вышла из подъезда. В этот самый момент к двери подошла толстая тетка с двумя полными сумками. Вера узнала Римму Платоновну с третьего этажа, отличавшуюся удивительной разговорчивостью и таким плохим зрением, что принимала соседскую черную таксу за черного кота и плевала через плечо, когда такса переходила ей дорогу. Тетка была, в общем, не вредная, но кто-то из соседей прозвал ее Риммой Питоновной.

Вера придержала дверь, чтобы пропустить соседку. Та, однако, не спешила проходить. Уставившись на Веру и явно ее не узнавая, она спросила:

– Это ты, что ли, Лиза? Ты мне меду привезла? Так у меня еще старый не кончился...

– Я не Лиза, – возразила Вера. – Я к Дроздовым приехала из девятой квартиры, а у них какие-то другие люди живут...

Она сама не смогла бы объяснить, отчего не призналась соседке, отчего не сказала прямо, кто она такая... Жизнь с Федором приучила ее к осторожности.

– К Дроздовым?! – В глазах соседки загорелся живейший интерес, она поставила сумки на пол, прочно утвердилась на пороге, готовясь к длинному и увлекательному разговору, и осведомилась: – А ты к ним по какому вопросу?

– Да я не по вопросу, – торопливо открестилась Вера. – Я вообще-то из деревни, Заслонкино наша деревня называется, это под Псковом. Они у меня комнату снимали три года назад, у нас озеро под боком, так они купались, рыбу ловили. Очень хорошие люди. Адрес свой дали, в гости звали. У меня так-то в гости ездить времени нету, а тут я к вам в город по делу приехала – морковь продать и картофель, так вот дай, думаю, зайду, а у них там какие-то чужие люди живут... так вот я теперь думаю – что ли, они мне адрес неверный дали или это я сама перепутала?..

– Ничего ты не перепутала, – зачастила Римма Питоновна. – Правильный у тебя адрес, только они тут больше не живут, Дроздовы-то... – Она вытащила из кармана большой клетчатый платок и вытерла им совершенно сухие глаза, чтобы обозначить скорбь. – Верочка, та вообще умерла!..

– Как?! – воскликнула Вера с совершенно искренним волнением в голосе. – То есть как – умерла?

– Очень даже просто, – вздохнула соседка. – В машине разбилась. Скоро уж год будет, как разбилась. Страшное дело! Машина-то мало того, что разбилась, так еще и взорвалось там что-то... Так Верочка обгорела – муж ее еле опознал!

– Муж опознал? – машинально переспросила Вера.

– Ну да! Страшное, говорил, дело, в закрытом гробу хоронили, потому как смотреть на нее невозможно! Уж он так горевал, так горевал! Потому и квартиру эту продал – не хочу, говорит, здесь больше жить, потому как все мне здесь мою Верочку напоминает!

– Давно продал? – спросила Вера, вспоминая свою спальню в японском стиле, черные лаковые шкатулочки, низкую кровать, покрытую покрывалом в иероглифах, две большие керамические вазы, на которых японки в нарядных кимоно смотрелись в зеркало, расчесывая длинные волосы, сидели у пруда с кувшинками и любовались цветущей сакурой.

– А как сорок дней прошло, так сразу покупатели и стали ходить-смотреть, – без запинки ответила Роза Питоновна. – Я, говорит, у Веры на кладбище прощения за все попросил, она согласилась, потому как сил нет в этой квартире жить без нее! Денег на похороны не пожалел, я-то не была, а люди сказывали, что гроб выбрал самый дорогой... К маме ее, на Серафимовское...

– А куда он переехал, вы не знаете? – спросила Вера, кое-как оправившись от известия о своей собственной смерти.

– Не знаю! – искренне огорчилась соседка. – Не сказал он мне! И никому не сказал!

Вдруг возле подъезда появился дворник-гастарбайтер с метлой в руках. Дворник был незнакомый, год назад его здесь еще не было. Внимательно взглянув на Веру, он спросил:

– А ты, жэнщина, к кому случайно?

Вера не успела ничего ответить, как Римма Питоновна затараторила:

– Эта жэнщина, значит, к Дроздовым приехала, которые раньше в девятой квартире жили. Это которая Вера на машине разбилась. А жэнщина приехала морковь продавать и не знала, что они здесь больше не живут... и адреса нового, где Кирилл живет, у нее нету...

– К Дроздовым? – в глазах дворника мелькнул неожиданный и непонятный интерес, который он тут же пригасил и, повернувшись к Вере, проговорил:

– Слушай, жэнщина, ты заходи ко мне, я тебе чай дам. Посиди у мэня, отдохни, чай попей, ты ведь ехал далеко, устал...

– Спасибо, – вежливо проговорила Вера. – Только я спешу, у меня дел много. Морковь продать нужно, картофель...

– Я пойду! – Римма Питоновна нахмурила брови, очевидно не одобряя явный интерес дворника к незнакомой женщине.

– Слушай, жэнщина, – не сдавался дворник. – Подождет твоя морковь-шморковь, никуда нэ дэнется! Ты у меня толко полчаса посидишь, отдохнешь...

– Да нет, спасибо, я пойду! – Вера шагнула прочь от подъезда.

– Нэ ходи! – Дворник встал у нее на пути. – Подожди нэмного, а я, может быть, новый адрес тебе узнаю!..

Конечно, узнать новый адрес Кирилла было очень соблазнительно, но настойчивость гастарбайтера выглядела чересчур подозрительно, так что Вера попыталась отпихнуть его в сторону. Это, однако, оказалось не так просто. Дворник вцепился в нее мертвой хваткой и начал теснить к открытой двери дворницкой.

– Подожди, – пыхтел он, – нэ уходи так скоро...

Но Вера тоже была не лыком шита, а за последний год она натерпелась такого хамства, что могла противостоять кому угодно. Против Федора этот жук чернявый был слабоват, а она больше не боялась никого.

– А ну, отпусти! – заверещала она резким, визгливым голосом. – Ты куда это меня тащишь? Ты что это задумал? Ты меня насильничать хочешь? Понаехали тут, приличной женщине проходу не дают!

Дворник заметно перетрусил, глаза его забегали. К тому же Римма Питоновна, которая до этого момента была растеряна и не понимала, что происходит и как себя вести, опомнилась и бросилась на помощь женщине, размахивая своими сумками.

– Ты что это, ирод, себе позволяешь! – орала она. – Ты думаешь, если простая баба, так и заступиться за нее некому! Ах ты, паразит! Сегодня же в ТСЖ вопрос о тебе поставлю! Знаю, что нелегально ты на работу устроился!

Гастарбайтер отпустил Веру и попятился. Она решительно отпихнула его в сторону и зашагала прочь от дома.

Подходя к автобусной остановке, она оглянулась.

Римма Питоновна удалилась. Гастарбайтер стоял на прежнем месте, прижимая к уху мобильный телефон. Он с кем-то разговаривал, то и дело посматривая в ту сторону, куда ушла Вера.

К остановке подъехал автобус, и она вскочила в него, даже не взглянув на номер, лишь бы скорее уехать.

Сев на свободное место, Вера задумалась.

Что происходит?

Только что она узнала от соседки о своей собственной смерти...

Такая новость кого угодно выбьет из колеи! Как, как это могло случиться? Сгорела в машине... Кирилл опознал ее тело... Он, конечно, нервничал, мог ошибиться, но машина-то была точно ее, уж тут все установили бы точно. Но ведь она точно знает, что не она ехала в той машине, она в это время валялась в бреду в доме Федора. Так каким образом ее машина оказалась... где? Она не спросила, где случилась авария, да соседка, верно, и не знала точно. Что-то зацепилось в мозгу, как будто дело было за городом.

Кирилл, ее муж... Как он мог утверждать, что там, в сгоревшей машине, находится она? Ему ли не знать ее всю, до малейших частичек.

Она вспомнила, как они жили с Кириллом. Они были женаты полтора года, да еще до этого встречались почти год. Они познакомились на вечеринке, куда затащила Веру случайная знакомая. Так часто бывает – встретились на отдыхе, вроде бы подружились, а дома, в городе, оказалось, что нет ничего общего, и знакомство потихоньку сошло на нет. Но Вера была благодарна бывшей приятельнице за то, что та познакомила ее с Кириллом.

Он понравился Вере с первого взгляда. Он был такой красивый... Серые глаза глянули ей прямо в душу, и эта его замечательная улыбка... Вера и сама выглядела тогда неплохо – стройная длинноногая блондинка, волосы длинные, глаза голубые, сияющие, выразительные. Она к тому времени уже окончила институт и работала в солидном банке, так что могла себе позволить дорого и со вкусом одеваться и тщательно следить за своей внешностью.

У них был очень красивый роман. Через несколько месяцев Кирилл пригласил ее в ресторан, подарил кольцо с крошечным бриллиантом и сделал предложение жить вместе. Причем сказал это так, что Вера расценила его предложение как помолвку. Она носила это колечко всегда, даже на ночь не снимала, где оно теперь?

Там же, где и золотое, обручальное, – либо сняли те двое вояж в поезде, либо кануло в ненасытную утробу Федьки... Вера целый год не вспоминала ни о чем.

Предложение Кирилл сделал ей на отдыхе в Испании – на открытой террасе ресторана, пригласил музыкантов и завалил цветами. Посетители ресторана хлопали в ладоши, администрация отеля подарила бутылку дорожущего шампанского – в общем, все было как в сказке. Голливудской сказке.

Вера была безумно счастлива. Ей нравились шум и веселье, нравились поздравления от незнакомых людей, но больше всего ей нравился Кирилл, ее будущий муж.

И когда они вернулись домой, все шло отлично.

Свадьбы они решили не устраивать – у Веры не осталось никого из близких родственников, Кирилл вообще был родом из далекой провинции и с родными отношения не поддерживал. Они поженились тихо и зажили в квартире, что осталась Вере от рано умершей матери. Отца своего она не помнила.

Вера с восторгом окунулась в семейную жизнь. Они отремонтировали квартиру, Вера сделала настоящую японскую спальню и классическую гостиную, накупила в кухню разных современных приборов и готовила мужу вкусные блюда. Кирилл был с ней нежен и предупредителен, дарил мелкие подарки, часто приносил цветы. Вера всегда считала, что у нее идеальный муж.

Полтора года промелькнули незаметно. Они были счастливы вдвоем, достаточно редко выбирались куда-то на люди. И к себе мало кого приглашали. Кирилл говорил, что устает на работе и дома хочет отдохнуть от посторонних.

«Мы есть друг у друга, – говорил он, – мы – две половинки одного целого. Я о тебе позабочусь, я помогу в любой ситуации, ты должна рассчитывать только на меня...»

И Вера ему безоговорочно верила. Она считала свой брак удивительно удачным, уже заговаривала о ребенке. Двадцать седьмой год, Кириллу тридцать, пора...

Но в последнее время у нее начались проблемы со здоровьем. Она уставала на работе, много спала в выходные и все равно чувствовала себя разбитой. А потом у нее начались провалы в памяти. Она могла отключиться где угодно – днем на работе, утром в ванной, за обедом... Кирилл очень волновался за нее, просил не садиться за руль, вызывался сам отвозить на работу.

Верина мать умерла в сорок пять лет от опухоли мозга. Вера испугалась, что у нее начинается то же самое и собиралась пойти к врачу. Но все откладывала, потому что очень боялась страшных известий. Но однажды решила и позвонила Георгию Константиновичу, тому врачу, что в свое время лечил маму, он был старым знакомым их семьи. Но оказалось, что он уехал работать по контракту в Штаты.

Когда она сказала об этом Кириллу, он рассердился на нее.

– У тебя все в порядке! – кричал он. – Нечего выдумывать на пустом месте! Так и сглазить недолго! Нечего ходить по врачам, в участковой поликлинике из тебя всю душу вынут и все равно ничего не обнаружат! Прости, малыш, я так за тебя волнуюсь... В общем, тебе просто нужно как следует отдохнуть, и все пройдет.

Они съездили на четыре дня в Финляндию, и Вере и вправду стало легче. Она с радостью отложила поход к врачу.

А потом начались неприятности на работе, Лидия все время шипела на нее и придиралась, а потом закатила тот ужасный скандал...

– Эй, тетка! – Вера открыла глаза и в недоумении оглядела пустой салон автобуса. – Ну, ты и спать! Конечная станция, автобус дальше не идет! – водитель тряс ее за плечо.

– Господи! – ахнула Вера. – И как же я так прозевала?

– Тетеха деревенская! – беззлобно ворчал водитель. – И чего в город претесь?

– Значит, надо! – буркнула Вера. – А ты когда обратно-то?

– Обедать буду! – сообщил водитель радостно. – Перерыв у меня законный! А ты иди вон на маршрутку, она к метро довезет...

В маршрутке Вера выработала план действий. Нужно срочно найти Кирилла, больше ей просто не к кому обратиться. И пускай он объяснит ей, что же произошло год назад и как случилось, что в ее машине разбилась какая-то посторонняя женщина. Насколько Вера могла вспомнить, машину тогда она оставила во дворе. Украли ее, что ли?

У метро Вера зашла в киоск мобильной связи и купила там недорогой телефон. Девушка-продавщица, видимо, работала в киоске недавно, она многословно и обстоятельно, как старательная ученица, объяснила Вере, как пользоваться покупкой. Вера кивала, не слушая. Выйдя из киоска, вставила симку и первым делом набрала номер Кирилла. Этот номер всплыл в ее памяти без всяких усилий.

Руки дрожали и от волнения, и с непривычки – целый год она не пользовалась мобильником, целый год занималась тяжелым грязным трудом, пальцы огрубели и плохо слушались. Она с трудом набрала знакомый номер и поднесла трубку к уху.

Неужели сейчас она услышит голос мужа?

Чуда не произошло.

Равнодушный механический голос сообщил ей, что набранный номер не обслуживается.

– Как не обслуживается? – машинально проговорила Вера и опомнилась – задавать вопросы автомату так же бессмысленно, как спорить с судьбой. Ничего удивительного – за прошедший год Кирилл вполне мог сменить номер телефона, раз уж в его жизни случились такие перемены, он даже квартиру поменял...

Но работу-то он вряд ли поменял!

Нужно ехать к нему на работу, даже если он работает теперь в другой фирме, Вере скажут, как его найти. Она махнула было рукой, чтобы поймать машину, и тут случайно увидела свое отражение в витрине магазина. И окаменела на месте.

Из зеркальной витрины на нее глядела замотанная тетка в вылинявшем ситцевом платье и жуткой вязаной кофте с вытянутыми локтями. На ногах едва ли не галоши – точно, галоши, только кожаные. На голове форменный колтун. А лицо... глаза красные от недосыпа как у большого кролика, брови и ресницы выгорели на солнце, кожа шелушится от загара, нос красный... Никакой косметики...

Чучело, форменное чучело! Да Кирилл просто ее не узнает! А узнает, так испугается, ведь Вера и вправду похожа на выходца из могилы.

Нет, так дело не пойдет!

И Вера решительно шагнула в тот самый магазин, чья зеркальная витрина дала ей понять, что в таком виде к мужу нечего и соваться. Но была остановлена охранником на входе.

– Тетка, тебе чего?

Здоровенный парень даже схватил ее за локоть. Вера хотела возмутиться, вырвать руку, сказать строго, что она такая же покупательница, как все, что он не имеет права так относиться к человеку только потому, что он плохо одет. Показать деньги, в конце концов.

Но тут же опомнилась. Что она делает? Начнется скандал, если ее и не выгонят, то запомнят. Еще документы попросят показать. Допустим, паспорт у нее есть, но в свете последних новостей о ее якобы смерти... Вызывать полицию никто не станет – она ничего не сделала. Но как объяснить, откуда у нее столько наличных? Приехала из деревни покупать вещи? А почему прописка городская?..

Вера вспомнила странный интерес к ней дворника. Зачем он усиленно тащил ее в свою каморку? Не изнасиловать же, в самом деле, хотел, смешно, ей-богу! Нужна она ему в таком виде...

Все эти мысли промелькнули в голове за одну секунду. Вера сделала заискивающее выражение лица и затараторила деревенским визгливым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.